

Константин Николаевич Батюшков

**Злые чары. Книга
заклятий**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К65

Константин Николаевич Батюшков
К65 Злые чары. Книга заклятий / Константин Николаевич Батюшков – М.: Книга по Требованию, 2012. – 50 с.

ISBN 978-5-4241-2242-2

Литературное наследие К.Н.Батюшкова невелико, но его систематически печатавшиеся стихотворения имели большое значение в литературно-общественном движении 10-х годов XIX века. Начиная с 1809 года, когда получила широкое распространение его сатира "Видение на берегах Леты", и кончая 1820 годом, когда вышли его антологические стихотворения, Батюшков, наряду с Жуковским, - самый крупный поэт, во многом определивший дальнейший расцвет русской поэзии. Еще современники оценили плодотворную деятельность поэта по совершенствованию стиха и поэтического языка.

ISBN 978-5-4241-2242-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Константин Бальмонт
ЗЛЫЕ ЧАРЫ
КНИГА ЗАКЛЯТИЙ
1906—Весна

*Долго ночь меркнет; заря свет
запала, мгла поля покрыла.*

*Кровавые зори свет поведуют;
черные тучи с моря идут; хотят при-
крыть четыре солнца; а в них трепещут
синие молнии.*

Слово о полку Игореве

ОТСВЕТЫ РАКОВИН

*О, жемчуг слов, отысканный в
морских глубинах сердца, твои узоры
красивы, но смысл твой горек, как мор-
ская вода.*

Космогония Майев

ЗОВ

Я овевя дыханьями многих морей,
Я склонялся над срывами гор,
Я молился ветрам: «О, скорее, скорей!»,
Я во всем уходил на простор.
Я не знаю цепей, я не ведаю слов
Возбранить чьи б то ни было сны,
Я для злейших врагов не хотел бы оков,
А желал бы улыбки весны.
Я не знаю тоски, я сильнее скорбей
На разгульном пиру бытия,
Я овевя дыханьями вольных морей,
Будьте вольными, братья, как я!

НО ЕСЛИ

Но если ты снежный
И если морозный,—
Хотя я и нежный,
Все ж буду я грозный.
Рожденный от света
Не знает врага,
Но силой привета
Растопит снега.
Я вечная сила
Души полновольной,
Не помнить, что было,
Восторг мой безбольный.
Но если ты вдвое,
Да мучить других,—
Иное, другое
Расскажет мой стих.

ОРГИЯ ЖИЗНИ

Орел точит когти. Крадется волк прерий.
Сова направляет окольный полет.
Безжалостны птицы. Без жалости звери.

Безжалостность — свойство всех тех, кто живет.
Верховные гении этого мира,
Зарезанным горлом мы кормим свой день.
Нам трупы животных—услада для пира,
Тут нежная дева — бесчувственный пень.
Нередко мы думаем, будто растенья
Суть алость улыбки и нежный цветок.
Нет, в мире растений — борьба, убиенье,
И петли их усиков — страшный намек.
Ухватят, удушат, их корни лукавы,
И цвет орхидеи есть лик палача.
Люблю я растенья, но травы — удавы
И тонкость осоки есть тонкость меча.

ТАЛИСМАНЫ

Судьба на утре дней дала мне талисманы,
Число их было три, и разны смыслы их.
Один меня повел в неведомые страны,
И там я в первый раз влюбленный был жених.
Другой мне изъяснил искусство завладенья
Сердцами,— я сердец покорных не сочту.
А третий мне явил тропинку нисхожденья —
Не в глубину земли — в меня, в мою мечту.
И первый талисман, смеясь, я бросил в Море,
Второй швырнул в окно, быть может, подниму.
Но третий талисман — звезда в моем уборе,
Я верую теперь ему лишь одному.

ПИР ЛЮБВИ

Я бросил весело бокал.
Ребенок звонко хохотал.
Спросил его, чего он так.
Сквозь смех он молвил мне:— Чудак!
Бокал любви разбил, но вновь
Захочешь пить, любить любовь.—
И в тот же миг — о, как мне быть?—
Я захотел любить и пить.
Куски я с полу подобрал,
Из них составил вновь бокал
Но, весь израненный, я вновь
Не сладость пил, а только кровь.

ГРЕХ

Кто создал безумное слово,
О, слово постыдное:— Грех!

Чуть смоешь пятно, вот оно означается снова,
Мешает, меняет, глушит, и уродует смех.
Как жалкий воришка,
Запрячется в спальню, в углу притаится какмышь,
И смотрит — меж двух не случится ли в ласках излишка,—
Скривится, чу, шорох: «Довольно», «Не более», «Лишь».
Лишь то, а не это. Лишь тот, а не с этой, а с тою.
Вот только. Вот столько. Шипенье, шуршанье змеи.
О, дьявол убогий, кропишь ты святою водою,
Но где освятил ты поганые брызги свои?
Прочь! Прочь, говорю я!
Здесь грешен лишь тот, кто осмелится вымолвить: «Грех».
О, свежесть ручьев! О, смеющийся звук поцелуя!
Весна и разливы! Счастливый ликующий смех!

СМЕНА ЧАР

В детстве искра из камина
Брызнет, бросится — и нам
В этом целая картина,
Пляшут тени по стенам.
А поздней мы любим свечи,
И страницы старых книг.
После сказок — сказку встречи,
Поцелуй, любовь на миг.
После — пламенность, пожары,
Зажигать, сжигать, гореть.
А потом — какие чары?
Только — умереть?

РЕБЕНОК

Ребенок, весь светлый, так мило курчавый,
Сказал мне: «Иду за тобой я, — а ты?
За кем?» Распускались весенние травы,
Пестрели, желтели цветы.
И я, рассмеявшись, сказал: «За стихами.
Стихи—вон за тем мотыльком.
А он с ветерком — за цветками,
И вместе играют они лепестком»
—«А все они вместе?» — «За Солнцем веселым».
—«А Солнце?» — «За Тьмою». — «Как, Солнце
за Тьмой?»
Ты шутишь! Ты гадкий!» О, медом тяжелым
Наполнен цветок полевой!

ДЕТСТВО

Как прелестен этот бред,
Лепет детских слов.
Предумышленности нет,
Нет в словах оков.
Сразу — Солнце и Луна,
Звезды и цветы
Вся Вселенная видна,
Нет в ней темноты.
Все что было — здесь сейчас,
Все что будет — здесь.
Почему ж ты, Мир, для нас —
Не ребенок, весь?

ТУЧКА

Ты родилась, чтоб тучкой быть.
Чтоб небо нежить и любить.
Но, измененная судьбой,
Уж ты не в бездне голубой.
Ты небо нежила легко,
Ты тучкой рдела высоко,
Но в страшный час, но в бурный час,
Ты вниз, слезами, пролилась.

ИЗБУШКА

В лесу избушка малая
Стоит себе одна.
Дрема раскрылась алая,
Окончилась весна.
Настали дни расцветные
Июльской красоты.
Вновь думы безответные:
О, где же, где же ты?
Надем цветные бусы я,
И сяду над рекой.
Поникнут косы русые,
Я думаю с тоской.
Ты мне сказал «Желанная!
Опять к тебе приду».
И снова ночь обманная,
Опять напрасно жду.
Уж листья осыпаются,
Уж осень на дворе.
Уж стаи птиц скликаются,
За лесом, на заре.
И я ли не лелеяла
Заветные мечты!

А все их, все развеяло,
Как летние цветы.
Наплакалась, намучилась
Осенняя пора.
И плакаться соскучилась,
Уходит со двора.
Настали дни холодные,
Повсюду снег и лед.
Пути застыли водные,
И лишь метель поет.
Сугробы треплет белые,
Под кровлей шелестит.
За сучья онемелые
Зацепится, свистит.
Кричит, как ведьма шалая,
И стонет тишина.
Моя избушка малая
В лесу одна, одна.

ДВА СТРОЯ

1

Я помню ясно. Все. Была весна.
Я болен, беден, жалок, я не понят.
Но разве не весной мечты хоронят?
В душе был страх, недвижность, глубина.
Я медлил у высокого окна.
Мне мнилось: за стеною кто-то стонет.
Любимая, проклятая, жена —
Не слышно ей, что дух мой, дух мой тонет.
Я бросился на камни сквозь окно.
Но не было Судьбой мне суждено
Достичь конца чудовищной ошибки.
И я лежал, разбитый, на земле.
И слышал, как вверху, в лучистой мгле,
Роялю—отвечали звуки скрипки.

2

Прошли года. Я в прошлом вновь. Живу.
Я в память заглянул, как в круг зеркальный.
Изломанный и спящий наяву,
Я в пропасти какой-то, изначальной.
Недосягаем свод Небес хрустальный.
Заклятый замок жизни весь во рву.
В разъятости двух душ, я, сон печальный,
Проклятым никого не назову.
Спасенный странной помощью Незримых,

7

Я все свои изломы исцелил.
Я встал с земли в сияньи свежих сил.
Но с этих дней, сквозь смех, меж двух любимых,
Два строя звуков дух мой различил:
Двойной напев — врагов непобедимых.

В МОРЯХ НОЧЕЙ

«Прощай, мой милый!»—«Милая, прощай!»
Замкнулись двери. Два ключа пропели.
Дверь шепчет двери: «Что же, кончен Май?»
«Как Май? Уж дни октябрьские приспели».
Стук, стук.—«Кто там?»—«Я, это я, Мечта.
Открой!»— Стук, стук.—«Открой! Луна так светит».
Молчание. Недвижность. Темнота.
На зов души как пустота ответит!
«Прощай, мой милый. Милый! Ха! Ну, ну.
Еще в ней остроумия довольно».
«Он милой назвал? Вспомнил он весну?
Пойти к нему? Как бьется сердце больно!»
Стук, стук.—«Кто там?» Молчание. Темно.
Стук, стук.—«Опять! Закрыты плохо ставни».
В морях ночей недостижимо дно.
Нет в мире власти — миг вернуть недавний!

ЗМЕИНЫЕ ВАЛЫ

Окопы древние, Змеиные валы,
Извивно-тяжкие мечты подземной мглы,
Кругосоздания из марева бесов,
Как перебраться к вам?— Через бездонный ров.
Созвездья слитные, вы, гроздя высоты,
Змеиноликости, и ты, Луна, и ты,
Звезда Вечерняя, венец свершенных дней,
Где путь к вам?— Чрез эфир, в котором нет путей.
О, души женские, плененные мечтой,
Вы, сочетавшие змеиность с красотой,
Вы, вы, желанные, скажите, как к вам путь?—
Через бездонность глаз. Дрожишь? Оставь.
Забудь.

ОМУТ

Над омутом, жутко-немым, глянцевитым,
Ущербная светит Луна,
С лицом опрокинутым, странно неслитым
С покоем полночного сна.
Но слитная страшно с той пропастью властной,

С тем круглым застывшим жерлом,
Где прошлою осенью, ночью ненастной,
Они утопились вдвоем.
Они, эти странные бледные люди,
Которых встречал я весной,
Когда расцветали на влаге, как в чуде,
Кувшинки под новой Луной.

ПРИЗРАКИ

Птичка серая летает
Каждый вечер под окно.
Голосок в кустах рыдает,
Что-то кончилось давно.
Звуки бьются так воздушно,
Плачут тоньше, чем струна.
Но внимают равнодушно
Мир, и Небо, и Луна.
Над усадьбою старинной
Будто вовсе умер день.
Под окошком тополь длинный
До забора бросил тень.
Стало призраком свиданье,
Было сном, и стало сном.
Лишь воздушное рыданье
Словно память под окном.
Эти звуки тонко лились
Здесь и в дедовские дни.
Ничему не научились
Ни потомки, ни они.
Вечно будет тополь длинный
Холить траурную тень.
В сказке счастья паутинной
Раз был день, и умер день.

СЕВЕРНОЕ ВЗМОРЬЕ

Небо свинцовое, солнце неверное,
Ветер порывистый, воды холодные,
Словно приливная, грусть равномерная,
Мысли бесплодные, век безысходные.
Здесь даже чайками даль не осветится,
Даже и тучкою только туманится,
Раковин взору на взморье не встретится,
Камешком ярким мечта не обманется.
Зимами долгими, скудными веснами
Думы подавлены, жизнь не взлелеяна
Море пустынное, с темными соснами,

Кем ты задумано, кем ты осмеяно?

НАД МОРЕМ

По взморью иду я, не этому взморью, что зримо,
Хоть каждый я день и по этому взморью хожу.
Над Морем тоскую, что странно-воздушнее дыма,
Где помыслы сердца свою отмечают межу.
Пустыня бурунов Приливно-отливная сказка.
Извивность морей, пожелавших воздушными стать.
Их белая смерть. И опять И другая завязка.
Раскаты громов. И затишье. И мертвая гладь.
О, люди! Как жалко мне вас! Если б только вы Знали!
Какой бы не принял я жертвы во имя людей?
Но нет разрешенья для нашей всемирной печали,
Как нет окончанья для пенья бездонных морей.

ХОД МОРЕЙ

Неугомонный ход морей,
Темно-зеленых вод.
Нагроможденье гольшей
В какой-то склепный свод.
И это в долгой цепи дней,
И так за годом год.
Где Море — суша там была,
Где суша — глыбы вод.
Светись, душа, пока светла,
Все нежно, что цветет.
Играй среди добра и зла,
Нас в свой черед зальет.
И будем мы, в те дни свои,
Идти как грозность вод.
И если встретим бег ладьи,
Она в нас гроб найдет.
Мы будем в темном забытьи,
За годом долгий год.

НЕ ЗНАЮ

Я забыл, откуда я пришел,
Я, уйдя, не вспомню жизни здешней.
Я не знаю, мой ли произвол
Создал светлый призрак с дымом зол,
Осень предрешил в улыбке вешней.
Может быть, я сам свой вечный враг,
Может быть, под внешним дух склоняю.
Больно мне, но это вечно так,